

ANNA BRZEZIŃSKA

WODA NA SICIE

APOKRYF CZAROWNICY

АННА БЖЕЗИНСКАЯ

ВОДА В РЕШЕТЕ

АПОКРИФ КОЛДУНЬИ

*Перевод с польского:
Милана Ковалькова*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)
Б58

Anna Brzezińska
WODA NA SICIE. APOKRYF CZAROWNICY

Перевод с польского: *Милана Ковалькова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-120057-2

© Copyright by Anna Brzezińska
© Copyright by Wydawnictwo Literackie,
Kraków, 2018
All rights reserved
© Милана Ковалькова, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

I

В деревне Чинабро в приходе Сангреале, в священном зале трибунала, в четверг, месяца мая четырнадцатого дня, в канун праздника Святой Бенедикты, мученицы, покровительницы убогих дев, доктор Аббандonato ди Сан-Челесте, председатель сего трибунала, в присутствии инквизиторов Унги ди Варано и Сарто ди Серафиоре, а также свидетелей: падре Фелипе, пресвитера церкви упомянутого выше прихода, и падре Леоне — исповедника и духовного наставника Его Сиятельства Липпи ди Спина, наместника прихода Сангреале и окрестных земель, а также падре Лапо, проповедника Его Сиятельства наместника, людей благочестивых и сведущих в законах, повелел, дабы была приведена женщина, именующая себя Ла Веккья¹, в течение года пребывающая в оном приходе, по собственному заявлению, дочь местной женщины и неизвестного отца, возраста, по

¹ *La vecchia* (итал.) — старуха.

ее словам, тридцати пяти лет или около того. Засим она официально приведена к присяге, что будет говорить правду в ходе сего слушания, а также всех последующих.

Ответствую, что мне объявили и полностью истолковали причины, по которым я предстала пред сим досточтимым судом. Понимаю, что случилось все это из-за мертвого монаха, однако не ведаю ничего по сему делу и не могу отвечать за его смерть, ибо тяготы и напасти земной жизни лишили меня сил, необходимых, чтобы зарезать и разделать, как овцу, крепкого мужчину в расцвете лет. Не могу помочь вам никоим иным образом, кроме как стать вашей проводницей по четырём селениям, лежащим на склонах горы Интестини¹, испокон веков населенных просветленными; хотя сама я решительно отрекаюсь от исповедуемой ими ереси, ибо отринула ее много лет назад, покинув деревню, именуемую Чинабро, или Киноварью², дабы вести жизнь в долинах среди почитателей монахов в сандалиях, храмовых камильниц и святых. Однако я сохранила знание о том, что происходило во времена моей юности, а также потом, вплоть до нынешнего дня, и если только пожелаете, расскажу вам обо всем подробно, начиная с того дня, когда мать показала мне дракона и тем самым привела в движение дья-

¹ *Intestini* (итал.) — кишки.

² *Cinabro* — по-итальянски «киноварь».

вольские жернова, которые много лет спустя перемололи вашего собрата в мелкую муку.

Посему ответственую, что утром того дня мать возложила руку мне на голову, дабы благословить меня, как все родители благословляют своих детей; правда, бондарь Фоско и эта распутница Мафальда, его жена, да и вся эта шайка собравшихся здесь, чтоб обвинять меня, — и не думайте, что ваши уловки помешали мне угадать их имена! — уже тогда гавкали, что, дескать, мать умеет только проклинать, а не благословлять, ибо благословение исходит лишь от чистой крови, а не от таких блудниц-еретичек, как мы. Сами же, синьор, видите, мы еще бегали по холмам, пасли коз, а сквозь дырявые рубашки проглядывали наши содранные коленки, когда эти наветы, звучащие ныне против меня, уже возрастали, как пырей, а потому этим сорным травам хватило времени, чтобы зацвести и принести плоды; и не думайте, что вам удастся их так скоро искоренить, ибо корни их, скрытые от глаз, находятся глубоко под землей. Так, впрочем, дело обстоит со всем, включая смерть этого несчастного брата Рикельмо, коего теперь вы именуете святым; можете называть его, как хотите, но мне он не был братом, и о его святости я тоже не имею понятия. Ибо не был он никаким святым, ведь недостаточно лаять, как собака, пугая крестьян вечным проклятием, чтобы сравниться со святым Калогером. Да, синьор, ваш собрат Рикельмо жаждал мученичества, бесстыдно греша гордыней, коя, как известно, предшествует падению. Видать, он что-то там раскопал, когда рыскал,

как пес, по хуторам, тычась всюду своей тощей мордой и вынюхивая сочные мослы греха. Но что бы это ни было, оказалось оно глубоко скрыто, ибо досужее богохульство, ересь, прелюбодеяние и трактирные потасовки не вызывают у нас столь жгучей ненависти, нежели та, что охватила Рикельмо. Посему я верю, что сотворенное с Рикельмо взросло из великой злобы и уходит корнями на много лет назад, возможно, к тому самому дню в незапамятные столетия, когда предок графа Дезидерио ¹ заключил с просветленными договор, предопределив будущее наше и всей Интестини.

Ответствую без всякого упорства и отвращения, ибо всем нам широко известно, что давным-давно просветленные прибыли в эти края, хотя многие жители равнин, откуда приходите и вы, милостивый синьор, и остальные слуги сего уважаемого трибунала, предпочитают верить, будто живем мы здесь от начала мира и, по сути, приходим от древних рас, злобных, покрытых шерстью, с острыми клыками, собачьими мордами и окаменевшими сердцами — тех, что умучили святого Калогера, когда он бродил по горам, обращая язычников в веру и приручая чудовищ; и вследствие этого ужасного преступления они были вынуждены сами бежать от мечей, пока не нашли приют в этой долине. Но признайтесь же, что ваши земляки слишком легко принимают сии сказки на веру, что можно оправдать только нашим безмерным удалением от вашего мира и еще большей ложью,

¹ *Desiderio* (итал.) — желание.

потому что — как вы видите своими глазами — ни у кого из нас нет ни собачьей головы, ни спрятанного под одеждой пушистого хвоста, хотя, конечно, мы умеем по-собачьи рычать и кусать, в чем определенно убедился ваш собрат Рикельмо. В действительности же мы пришли в эти горы, когда они были еще дикими и пустыми после истребления псоглавцев и других языческих народов, ведомые желанием найти землю, которая станет отныне нашей собственной и только нам покорной, и где мы сможем жить в уединении, по собственным законам и собственному разумению, ибо наша вера — нет надобности это доказывать — отличается от вашей, и в местах, населенных почитателями святых, навлекла она на нас различные гонения.

Ответствую далее, что неправда, будто бы нас привела сюда жажда вермициона¹, ибо — утверждают наши старейшины — поначалу мы и не подозревали о его присутствии, а со временем он стал для нас скорее наказанием, нежели наградой, но именно такой труд и такую дань определил нам граф Бональдо, далекий предок нашего доброго синьора Дезидерио. «Ежели вы гордитесь, что свет горит в вас ярче, чем в любом другом человеческом роде, — сказал он им, когда они впервые предстали перед ним, прося позволить им поселиться на каменистой земле, что была в те времена

¹ *Вермицион* — киноварь. Происходит от лат. *Vermiculus*, «маленький червь», что отсылает к *Kermes vermilio*, виду насекомых, из которых добывался пигмент.

пустошью и обителью дикого зверя, — я назначу вам дань, скрытую в самых темных глубинах земли; отныне вы будете по моему приказу добывать вермилион; я же, несмотря на мерзость ваших верований и обычаев, окружу вас заботой и буду защищать от других». Согласно легенде, хотя вы предпочитаете стыдливо ее замалчивать, граф Бональдо вырезал на руке эмблему своего рода, а старейшины так же начертали на своих ладонях знак света, и так рукопожатием скрепили они клятву, посыпав раны вермилионом. И хотя общеизвестно, что неочищенная руда является ядом, для них она оказалась кладезем чуда, продлевающим жизнь сверх человеческой меры; и так каждый прожил в добром здравии троекратную человеческую жизнь, и по той же причине графа Бональдо некоторые люди называют сейчас чернокнижником, приравняв его таким образом к тем несчастным, стенающим ныне в ваших подземельях. Так, мой милостивый синьор, был заключен договор, соединивший многие поколения назад род графа Дезидерио с родами просветленных, живущих с той поры в четырех деревнях вокруг горы Интестини.

Я признаю, что моя мать была одной из просветленных, что не должно удивлять вас, синьор, поскольку здешняя округа уже много поколений следует тропой света. Старосты, законники, сборщики податей, смотрители шахт и стражники в одинаковой мере охвачены ересью, а с ними и целые цеха кузнецов, слесарных дел мастеров, механиков и землекопов, вплоть до простых пастухов, слуг, погонщиков мулов и крестьян,

что за всю жизнь не откопали ни крупичицы вермилиона, но бросают в землю зерно, чтобы оно умерло и дало урожай, а это, как вам хорошо известно, ждет и каждого из нас, хотя бы и после смерти. Все они источают сладкий аромат ереси, но, как вы сами понимаете, до недавнего времени эти земли не подлежали власти трибунала, к которому вы имеете честь относиться, и жили мы по собственным законам. С тех пор же, как не стало графа Дезидерио, много договоров ушло в небытие; братья в сандалиях и жирные монахи вступили в Интестини, на запретную землю четырех деревень просветленных, которая с давних пор притягивала их жадные и тщетные взгляды. Правда, я признаю, что наш бедный падре Фелипе, коль скоро уж он здесь обосновался, как курица на насесте, с самого начала старался не выступать слишком рьяно против своих новообретенных еретических овец, ибо даже к благим целям легче завлекать медом, а не розгами. Потому он терпел визиты в деревню братьев Лордони, известных пьяниц и богохульников, которые каждый год накануне зимы спускались с высоких пастбищ. Он вел с ними дружелюбные беседы у входа в храм, словно заботясь об их душах, хотя на самом деле его больше интересовала их сестра Эракла, торговка овечьими сырами. Вскоре стараниями падре она стала, как говорят, его фокарией — хранительницей домашнего очага, ибо священник, поверьте мне, тоже нуждается в ком-то, кто будет готовить ему еду, рубить дрова, стирать рубашки и греть постель. Добавлю все же, что делать это следует благоразумно и тайно, ибо честь

женщины соткана из слов, а достоинство мужчины кроется в его поступках. Добавлю также, что почтенный падре Фелипе понимает это превосходно, потому Эракла, за которой стоят два брата и внушительная фигура настоятеля, остается женщиной, достойной уважения, несмотря на то что добрые десять лет она таскалась по горам, протирая задницей постели на бесчисленных постоянных дворах, в деревенских хижинах, логовах разбойников и пастушьих лачугах, в то время как потаскухой и ведьмой называют меня.

Ответствую, это правда, что моя мать родила троих детей, и я самая старшая из них. Нет, синьор, я не знаю, какой мужчина впустил в меня дух. Ибо человек, как вы сами признаете, это всего лишь бочка с мясом, в коей тлеет огонек духа, но нисходит он на ребенка не в церкви, он передается от родителя. Вода, которой вы, монахи, велите поливать младенцев, способна лишь погасить его, поэтому мы, просветленные, не принимаем детей в общину, пока они не достигнут седьмого года жизни, а огонь не разгорится в них сильней. Обо всем этом вы, должно быть, уже знаете; падре Фелипе наверняка успел вам пожаловаться, с какими суевериями довелось ему бороться в нашей округе, где чернокнижники размножаются быстрее кроликов, а ведьмы густо облепили печные трубы, словно галки, и все это творится здесь веками, с тех самых пор, как просветленные согласились добывать вермилион.

Ответствую, да, мне было сказано то, что говорят всем детям, рожденным в четырех деревнях вокруг

Интестини — и да будет известно вам, что названия им были даны по оттенкам вермилона: Червен, Кармин, Киноварь, Пурпур,— что свет души, ежели разжечь его достаточно сильно, не угасает в человеке, сойди он хоть в глубь земли, в отличие от тела, уязвимого перед железом и огнем, о чем нам здесь истово в последнее время напоминал Рикельмо, магистр сего трибунала, к которому и вы имеете честь принадлежать. Свет души горит в нас сильнее, чем в ком-либо другом, и именно он позволяет просветленным спускаться в Интестини и возвращаться с незамутненным рассудком. По этой же причине столетия назад граф Бональдо взял нас под свою опеку, и, поверьте, он сделал это не по доброте душевной, а исключительно ради того, чтобы мы добывали для него вермион и сделали его род богатым и могущественным, что в итоге и произошло.

Если же вы призываете меня вернуться из тех стародавних времен в дни моего детства, знайте, что грехи моей матери, если она действительно совершила их, не ложатся на просветленных. Старейшины деревни, а с ними и ее собственный отец, прокляли ее, когда она родила первого ребенка, дочь с клеймом бастарда за ухом, как будто там присел мотылек. По-прежнему без труда вы отыщете эту выпуклую, пористую тень между моими волосами, тем более что они поблекли и поредели с течением времени, но, сколько бы вы меня ни кололи булавками и ни грозили вечными муками, вы не нащупаете там никакого колдовства.

Ответствую далее, и многие не без удовольствия подтвердят мои слова, что свет в моей матери струился слабо и зыбко, хотя с тех пор, как ее, беременную, изгнали из родного подворья, она не прекращала попыток разжечь его в себе как можно сильнее, и будучи ребенком, засыпала я под приглушенный шелест ее молитв. Свет масляной лампы превращал ее тело в тонкий, будто вылитый из черного стекла контур, когда она с болезненным стоном поднималась с колен, чтобы дать мне в черпаке несколько глотков прохладной воды, если я просыпалась посреди ночи от кошмара. И если вы об этом спрашиваете, то да, я считаю, что она была заботливой матерью, естественно, в меру своего кошелька, который обычно бывал пуст, и сердца, которое также не струилось изобилием. Она прикасалась ко мне редко и пугливо, и я не помню, чтобы она сажала меня к себе на колени, как делали другие домохозяйки, дородные, краснощекие, грудастые и толстобрюхие женщины, которых постоянно сотрясали и душили приступы смеха или гнева, а ведь никто не обвинял их в бесстыдстве и безнравственности. Нет, потаскухой была только моя мама, маленькая, высохшая от тягот женщина, но сиявшая все же запретным, чахоточным блеском, какой вы заметите только на лицах потерявшихся вермилиан, если отважитесь спуститься в их подземные дворцы. Говорят же, что в самом центре Интестини простираются огромные залы меж рудных жил, пробитые тяжким трудом тех, кто забрался слишком далеко и уже не может и не хочет вернуться на поверхность;

и порой мне думается, не случилось ли то же с моей матерью, не потерялась ли и она так же, как и они, не стала ли для нее гора Интестини всем миром. Эта участь потерянных и заживо погребенных в темном чреве земли внушает нам такой страх, что, молясь о доброй смерти для наших отцов, мужей и братьев, мы также просим, чтобы она пришла неожиданно, с внезапно отколовшейся скалой или в клубах ядовитого воздуха. И чему вы удивляетесь, синьор? Не каждому суждено умереть в своей постели, а с вермилианами это случается еще реже, чем с остальными, и это также часть договора, дающего нам эти земли в бессрочную аренду.

Но хорошо, раз вы настаиваете, давайте вернемся к моей матери, которая была блудницей, самой набожной блудницей в нашей деревне. Она носила рубаху из конского волоса и туго затягивала ее на поясе веревкой, похожей на те, что используются на коловоротках для подъема ведер с горной породой, а над ее кроватью висел пучок ремней с привязанными острыми крючками. Она хлестала себя каждую неделю до крови, и раны на ее спине никогда не затягивались, но, несмотря на все посты, покаяния и усмирение плоти, бастарды сыпались из нее, как плоды дикой груши. И я скажу вам, что теперь, будучи старой женщиной, я полагаю, что разврат ей простили бы скорее, нежели то богохульное осквернение души, коим она бесстыдно щеголяла, ибо — как вам хорошо известно — прегрешения лучше всего скрывать в темноте, но еще тщательнее следует таить свои добродетели.

